

А.Н. РАССЫХАЕВ
(Сыктывкар)

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ РУССКИХ И КОМИ СЧИТАЛОК

Результат тесных взаимоотношений между коми и русским населением отражается во многих явлениях традиционной духовной культуры, в том числе и в фольклорных произведениях. Многовековые контакты способствовали возникновению и распространению среди северного финно-угорского народа фольклорного двуязычия¹. Под этим культурным феноменом подразумевается специфическое бикультурное мироощущение, сформировавшееся из генетически и этнически разнородных элементов. Знание носителя фольклорного билингвизма обогащается заимствованиями, которые носят привычный и регулярный характер. В конечном счете двуязычность и двукультурность приобретают нормативность, а со временем актуальным становится перенасыщенность традиционной культуры инородными элементами.

Представляется интересным проследить влияние русского фольклора на формирование считалочного фонда детского фольклора коми, а также проанализировать особенности адаптации заимствований. Об этих связях можно судить на примере многочисленных коми считалок, первые упоминания о которых встречаются в середине XIX в.² Использованный в работе материал составляют как опубликованные, так и неопубликованные тексты из пяти архивов (НА КНЦ, ОФ НМРК, РО РНБ, ФА СГУ, ФФ ИЯЛИ), а также собственные полевые записи (ЛАР). Тексты русских счи-

талок почерпнуты главным образом из работы Г.С. Виноградова «Детские игровые прелюдии» [Виноградов 1998]. Кроме того, привлекается материал из других сборников [Мартынова 1997; Белоусов 1998; Ананичева, Боронина и др. 2001; Лойтер 2001; Детский фольклор 2002 и др.].

К своеобразному явлению детского игрового фольклора коми необходимо отнести бытование заимствованных сюжетных русских считалок, иногда измененных до неузнаваемости. Не всегда понятный для коренных жителей русский язык в фольклорных произведениях осмыслился с помощью родного языка. Это привело к возникновению «гибридных» считалок, где наряду с осмысляемыми (разными по происхождению) словами соседствовали асемантические лексемы — комплексы звуков, наполняющих определенную ритмическую позицию в стихе. Например, известная русская считалка, начинающаяся со слов «*Первончик, друженьчики*», в одном из записанных вариантов звучит следующим образом:

*Первончик, друженьчик,
Нашу божу волю,
Русю попо ласей,
Якён пишик,
Чёрной кай горш,
Стану поляну,
Полёбен и голс*

(зап. в 1969 г. Н.А. Колеговой и Р.И. Косныревой от Матрены Павловны Пунеговой, 1895 г.р., д. Выльвидз Сысольского р-на Республики Коми [НА КНЦ, ф. 1, оп. 11, д. 318, л. 183]).

В данной считалке с коми языка переводится только один стих: «*чёрной кай горш*» [черное птичье горло]. Кроме того, зачин («*Первончик, друженьчик*») состоит из искаженных порядковых числительных «первый, второй» [Виноградов 1998, 225; Новицкая, Райкова 2002, 30]. Остальная же лексика является заумной, а весь текст предстает как случайное сцепление слов. Однако сопоставление структурно близких текстов в какой-то мере позволяет «этимологизировать» непонятные слова. Скорее всего, в таких строках коми произведения, как «*нашу божу волю, русю попо ласей, якён пишик, чёрной кай горш*», следует видеть искаженные слова из русской считалки «*на божьей росе, на поповой полосе, там*

¹ Подробнее см., например: [Власов 1992; 2002; Филиппова 2002].

² В материалах П.И. Савваитова в числе других фольклорно-этнографических данных находятся тексты коми считалок, присланные в 1850-х гг. в этнографический отдел Русского географического общества уездным учителем С.Е. Мельниковым. Собиратель приводит шесть считалок, записанных на Сысолье, Печоре и Вычегде, и предваряет их небольшой заметкой о выборе водящего в играх [РО РНБ, Q XVII, № 247, л. 19—19об.; F XVII, № 111, л. 202; Sjögrens 1861, 440].

дьякон пишет черным углем» [Виноградов 1998, № 121; вар. см.: Детский фольклор 2002, 226 (№ 59)].

В других вариантах считалки, зафиксированных от коми информантов, тоже появляется непереводаемая лексика. Строки из русских текстов «*по настам, по устам*» [Виноградов 1998, № 118], «*по насту, крыластый*» [Там же, № 141], «*по кусту, по мосту*» [Там же, № 319] осмыслены и представлены в коми считалках как «*покосты-поносты*», «*по настую песь-тень*», «*попыстом-настом*» и др. Строка «*свистель-коростель*» — как «*кисьтель-мисьтель*» и др.; строка «*на солово, на олово*» [Там же, № 114] — как «*на солом, на волом*», «*солом-волом*» и т.д.

По приблизительному фонетическому составу можно восстановить значения некоторых непонятных слов также в других коми считалках, заимствованных у русских. Так, строка из русской считалки «*сахар-махар, помидор*» [Там же, № 332д], слегка исказив звуковую оболочку, в коми текстах превращается в неосмысляемое словосочетание и пополняет фонд зауми: «*шапер-мапер, пома дер*» (зап. в 1968 г. В.А. Сорвачевой от Лидии Андреевны Межогских, 1905 г.р., с. Межог Усть-Вымского р-на Республики Коми [НА КНЦ, ф. 1, оп. 11, д. 314, л. 34]) или «*сатар-матар, деверлон круг*» (вторую часть можно перевести как «круг деверя»).

Чтобы понять масштабность и глубину трансформационных процессов при усвоении произведений на неродном языке, представим текст еще одной русской считалки — «Ехал мужик по дороге...», записанный от коми информанта:

*Ехал мальчик подороку,
Еку, кульсу, мальсу,
Прошас снова,
Тебе, вожоль, наадо*

(зап. Т. Утилой от Степана Егоровича Канева, 1910 г.р., урож. д. Ластва Ижемского р-на Республики Коми [Uotila 1986, 192 (№ 157)])³.

В данном случае запись требует небольшого комментария. Считалку записал финский лингвист Тойво Утила в

лагере военнопленных во время Великой Отечественной войны. Учитывая социокультурную обстановку коми села первой трети XX в., характеризовавшуюся обязательным и доступным для всех образованием, можно предположить, что тридцатилетний информант неплохо владел русским языком. Возможно, что ему также был известен неискаженный вариант данной считалки (подобные произведения записаны и от других лиц), однако традиция требовала, хотя и в ситуации воспоминания, исполнения именно «исковерканного» текста.

Вследствие того что в прошлые века знание русского языка оставалось на недостаточном уровне, в речи коми населения не соблюдались согласование в роде и числе, управление падежами, ударение. В процессе многочисленных трансформаций, происходивших при устном усвоении, текст удалялся от первоначального источника. В конечном счете зафиксированные считалки только отдаленно напоминают исходные тексты, которые, возможно, некогда имели сюжет и / или слова с лексическим значением. В дальнейшем в «гибридных» считалках начинается переосмысление непонятных слов, основанное на созвучиях. Тем не менее полной семантизации лексики произведения, появления связного сюжета не происходит. Такие коми считалки состоят из множества разных по происхождению слов, фраз и словосочетаний, часто не соединенных логикой и единым сюжетом.

В детском игровом фольклоре коми своеобразную нишу заняли также заумные считалки, заимствованные из русской традиции. Анализ этих произведений показывает, что в игровой среде они претерпевают минимальные изменения и в целом при сопоставлении легко узнаваемы по структуре. Приведем один пример текстуально близкой считалки.

Коми текст:

*Анка-дранка, друер дру,
Фиер-фаер, фуер фу,
Ан-дран, ни сестра,
Удалыс удака,
Анти менэ, наводи тебе⁴*

(зап. в 1959 г. А.К. Микушевым от Марьямы Ильиничны Истоминой, 1889 г.р.,

³ См. варианты русской считалки: [Ананьева, Боронина и др. 2001, 128 (№ 532—534); Детский фольклор 2002, 267 (№ 318—320); Лойтер 2001, 209].

⁴ Подобная разбивка считалки на строки обусловлена четырехстопным хореем, кото-

с. Мохча Ижемского р-на Республики Коми [НА КНЦ, ф. 1, оп. 11, д. 194, л. 337, № 338]).

Русский текст:

*Анка dranka
Дру едру
Четар фаер
Фу ерфу
Ан драп
Дугестан
Уда вида
Уда кан
Унти бри*

[Виноградов 1998, № 173г].

В комментариях к текстам аналогичных русских считалок Г.С. Виноградов приводит записанный В. Андерсоном в Латвии текст, о котором упоминает Д. Мейер. Последний пишет, что эта считалка пришла в Балтику из Северной Германии, где распространена среди немцев, латышей и эстонцев [Виноградов 1998, 221, 377]. В остальных заимствованных заумных считалках также обнаруживается разная по происхождению лексика. Судя по публикациям отечественных исследователей, в этих текстах встречаются слова, фонетический облик которых напоминает лексику болгарского, грузинского, еврейского, корейского, латинского, немецкого, польского, татарского, французского и старославянского языков [Виноградов 1998, 172—173, 224, 236—239; Капица 1928, 126; Топорков 1998, 582]. Появление латинских слов в игровых прелюдиях многих европейских народов, в том числе русского, по мнению А.Л. Топоркова, обусловлено влиянием «школьного и университетского обучения латыни», восприятия на слух католической службы [Топорков 1998, 582]. В коми считалках сакральная латинская лексика получает дальнейшее народно-этимологическое осмысление: вместо *dominus* — «дай, мана», «дель мана», «домома» («заштопано»), «шуманэ»; вместо *grammatici* — «драматики», «граммотики» и т.д.

Другой формой взаимодействия коми и русских считалок является бытование переведенных на родной язык текстов.

рый, кстати сказать, наиболее характерен для самых древних текстов данного жанра в коми фольклоре.

Помимо обычных калькированных произведений встречаются тексты, содержание которых только отдаленно напоминает оригинал. Основой при возникновении считалки могли стать незамысловатые коротенькие фразы, в которых ситуации представлены комически. При внимательном сличении русских и коми сюжетных считалок можно обнаружить одинаковые по содержанию стихи. Так, с начала XX в. и вплоть до нынешних дней в коми селениях, расположенных по рекам Сысола и Вычегда, зафиксированы тексты следующего содержания:

*Кодкӧ тайӧ чукӧрас
Кушман дукӧн сурттӧма,
Дерт жӧ, эськӧ, тайӧ тэ!*

[Кто-то в этой группе
Напердел запахом редьки.
Конечно же, это ты!]

(Зап. в 1999 г. А.Н. Рассыхаевым от Светланы Митюшевой, 1982 г.р., с. Палауз Сысольского р-на Республики Коми [ЛАР]).

Считалки близкого содержания зафиксированы и в русском игровом фольклоре:

*В нашей маленькой компании
Кто-то сильно навонял.
Раз, два, три —
Это, верно, ты*
[Виноградов 1998, № 89].

По сообщению нашего информанта, в некоторых случаях аналогичный коми текст функционировал в качестве игровой приговорки, которая диктует условия участникам игры в «Молчанку» (зап. А.Н. Рассыхаевым в 2002 г. от Натальи Васильевны Гориновой, 1979 г.р., п. Шугром Сысольского р-на Республики Коми [ЛАР]). Хотя сейчас трудно утверждать, в какой функции первоначально бытовало это произведение, подобное содержание (с обращением к «телесному низу» и «фекальным темам»), действительно, чаще всего присутствует в приговорках игры «Молчанка». Схожая сюжетная основа коми и русских считалок позволяет говорить, по крайней мере, об ориентации на русский аналог на начальном этапе бытования стиха.

Другой текст коми считалки также отсылает нас к близким по содержанию русским произведениям:

*Кар кузя бугыльтчис яблоч.
Коді сійдс босьтас,
Ачыс кругысь петас.*

[По городу катилось яблоко.
Кто его подберет,
Сам из круга выйдет]

(зап. в 1966 г. В.В. Тиминим от Валентины Худяковой, 1955 г.р., д. Выльвидз Удорского р-на Республики Коми [НА КНЦ, ф. 1, оп. 11, д. 291, № 18]).

Необходимо отметить, что данная коми считалка еще не совсем адаптирована к полнокровной жизни в игровой традиции, что можно объяснить кратковременностью ее функционирования. К такому выводу подталкивают наблюдения над ритмом. Скорее всего, для указанного текста в живом бытовании более характерно прозаическое «проговаривание», чем скандирование; не отшлифована и внешняя сторона — фонетическая оболочка. Примечательно также, что в коми детской игровой традиции этот текст не наращивает объем за счет дополнительных стихов. Между тем именно такую тенденцию можно заметить в русских считалках:

*Катилось яблочко
Подле саду;
Закатилось яблочко
В маленькую ямку,
Там остановилось.
Кто поднимет,
Тот и выйдет*
[Виноградов 1998, 352 (№ 396г)]⁵.

В иноязычной среде своеобразному изменению подверглась популярная русская считалка «Аты-баты, шли солдаты». Фонетическая близость зачина распространенной коми считалки «*атӧ-катӧ*»⁶

⁵ См. также русские варианты: [Ананичева, Боронина и др. 2001, № 414—417; Виноградов 1998, № 396 а, д, е, з, и, к, л, м, н; Детский фольклор 2002, 241—243 (№ 159—167); Лойтер 2001, 207, 214].

⁶ Вслед за исследователем детского фольклора коми Ю.Г. Рочевым мы выводим зачин популярной считалки коми «*Атӧ-катӧ*» из счета языка ханты: «*Атэ, катэ, кӧрми, нӧле...*» (Ижма) от «*ит, кат, хулым, нель*» [один, два,

скрепляющему звукосочетанию русского текста «*аты-баты*» позволила использовать первый в переведенном тексте. Получилось вполне приспособленное к бытованию фольклорное произведение:

*Атӧ-катӧ, кытчӧ ветлін?
Атӧ-катӧ, базарӧ.
Атӧ-катӧ, мыйнӧ ньӧбын?
Атӧ-катӧ, самӧвар.
Атӧ-катӧ, доньс кутшӧм?
Атӧ-катӧ, куим ур?*⁷.

[Атэ-катэ, куда ходил?

Атэ-катэ, на базар.

Атэ-катэ, что ж купил?

Атэ-катэ, самовар.

Атэ-катэ, какая цена?

Атэ-катэ, три копейки]

(зап. в 1935 г. А.К. Гичевой в с. Тентюково (ныне часть Сыктывкара) [ОФ НМРК, инв. № 197, л. 91]).

Единичная запись считалки дает повод говорить о том, что такие «эксперименты» детского творчества не были подхвачены сверстниками и оказались забыты. Та же судьба, вероятно, постигнет записанные в последние годы тексты, являющиеся кальками русских считалок:

*Кильчӧ вылын пукалісны
Супер-утка, Том и Джери,
Скрудж Макдак да куим утка,
А вӧдитны кутас Понка.*

[На крыльце сидели
Супер-утка, Том и Джери,
Скрудж Макдак и три утенка,
А водить будет Понка]

(зап. в 1993 г. В.Н. Казариновой от детей, с. Сторожевск Корткеросского р-на Республики Коми [ФА СГУ, РФ 32-1])⁸.

три, четыре] [Рочев 1972]. В коми игровом фольклоре считалки с подобным зачином характерны, кроме ижемской традиции, также для верхней Вычегды.

⁷ Слово «ур» (букв.: белка) в данном контексте обозначает старинную единицу денежного счета у коми. Три ура равнялись приблизительно одной копейке, пять ур — полтора копейкам, семь — двум, десять — трем. Однако в некоторых местах (на Ижме, Печоре и нижней Вычегде) один ур приравнивался к одной копейке [Сравнительный словарь 1961, 399—400].

⁸ Тем же собирателем записана следующая считалка:

Такие «произведения», на наш взгляд, являются результатом работы воспитателей детских садов и учителей начальных классов. В пользу этой версии говорят отсутствие четкого ритма, неотшлифованность фраз, трудность произношения. Всё это указывает на «искусственное» происхождение этих текстов, и поэтому возникают сомнения в их естественном бытовании в детской среде. Попытки использования переведенных считалок в педагогической практике коми продиктованы, с одной стороны, нежеланием прямого применения русских текстов, с другой — отсутствием в традиции сколько-нибудь подходящих современных коми произведений для этих целей или незнанием таковых воспитателями. Скорее всего, их исполнение не выходит дальше территории площадок детских садов. Тем более что достойную конкуренцию переведенным считалкам составляют доступные оригиналы, которые не менее мелодичны и ритмизованны.

Удовлетворительное знание русского языка объясняет устойчивое преобладание в современном коми детском игровом репертуаре русскоязычных считалок⁹. Причем в сравнении с предыдущими периодами, когда русская речь не всегда была понятна для коми и слова считалки при стремлении их объяснить становились заумными, в последнее время лексика в этих произведениях сохраняет свое первоначальное значение. Изменения в тексте обнаруживаются только на уровне вариативности в рамках традиции. Русский фольклор оказывал влияние и на обозначение этого жанра детского фольклора в коми традици-

*Стеклӧалӧм ӧдӧс сайын
Сулаӧ ош кӧлӧбъясӧн.
Чолӧм, Мишук, чолӧм, друг!
Ноко, вай мен кӧлӧб круз!*

[За застекленными дверями
Стоит медведь с колобками.
Здравствуй, Мишка, здравствуй, друг!
Ну-ка, дай мне колобок!].

⁹ Три десятилетия назад аналогичные процессы зафиксированы в мордовском детском фольклоре: заимствуются готовые книжные и фольклорные русские тексты, дети больше знают русские считалки, нежели мордовские [Таракина 1981].

ях. Наряду с коми названиями, уже в начале XX в. собиратели фиксировали русскую терминологию: «считалка», «читалка».

Таким образом, взаимодействие русских и коми считалок прослеживается на различных уровнях. Заимствованные произведения занимают весьма заметное место в игровом фольклоре коми. Если в прошлые века непонятная лексика русских считалок частично осмыслялась словами родного языка, то в нынешнее время заимствование происходит без каких-либо существенных изменений. Наблюдается также процесс калькирования иноязычных текстов, иногда не совсем удачный и довольно искусственный для игровой традиции. Вместе с тем влияние русского фольклора в наши дни усиливается, вплоть до полной замены комизычных считалок русскоязычными.

Литература

Ананичева, Боронина и др. 2001 — Детский фольклор. Частушки / Сост., вступ. ст., коммент. Т.М. Ананичевой, Е.Г. Борониной, А.Н. Мартыновой, М.Ю. Новицкой, Е.А. Самодоловой. М., 2001. (Фольклорные сокровища Московской земли; Т. 4).

Белоусов 1998 — Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой Дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998.

Виноградов 1998 — Виноградов Г.С. Детские игровые прелюдии // Виноградов Г.С. «Страна детей»: Избранные труды по этнографии детства. СПб., 1998. С. 151—390.

Власов 1992 — Власов А.Н. Проблемы двуязычия в традиционной народной культуре на территории Коми республики (по материалам фольклорных экспедиций Сыктывкарского университета) // Духовная культура: история и тенденция развития. Сыктывкар, 1992. С. 81—85.

Власов 2002 — Власов А.Н. Региональный свод памятников традиционной народной культуры Республики Коми // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования. Мат. конф. к 10-летию научной деятельности Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета (2—4 ноября 1998 г.): Сб. статей. Сыктывкар, 2002. С. 15—21.

Детский фольклор 2002 — Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М., 2002. (Библиотека русского фольклора; Т. 13).

Капица 1928 — Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки,

игры. Изучение. Собрание. Обзор материала. Л., 1928.

Лойтер 2001 — *Лойтер С.М.* Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск, 2001.

Мартынова 1997 — Детский поэтический фольклор. Антология / Сост., вступ. ст., коммент. А.Н. Мартыновой. СПб., 1997.

Новицкая, Райкова 2002 — *Новицкая М.Ю., Райкова И.Н.* Детский фольклор и мир детства // Детский фольклор. М., 2002. С. 5—53.

Рочев 1972 — *Рочев Ю.Г.* Детский фольклор коми: Дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1972 // НА КНЦ, ф. 5, оп. 2, д. 129, л. 144.

Сравнительный словарь 1961 — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961.

Таракина 1981 — *Таракина Э.Н.* Жанровый состав современного детского фольклора мордвы // Congressus Quartus internationalis fenno-ugristarum. Budapestini habitus. 9—15.09.1975. Pars IV. Acta sectionis ethnographicae. Budapest, 1981. P. 23.

Топорков 1998 — *Топорков А.Л.* Заумь в детской поэзии // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 578—604.

Филиппова 2002 — *Филиппова В.В.* Фольклорные традиции с. Керчомья Усть-Куломского р-на (к изучению микролокальной фольклорной традиции) // Духовная культура Севера: итоги и перспективы исследования. Мат. конф. к 10-летию научной деятельности Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета (2—4 ноября 1998 г.): Сб. статей. Сыктывкар, 2002. С. 22—27.

Sjögrens 1861 — *Sjögrens A.* Gesammelte Schriften. St.-Peterburg, 1861. B. 1.

Uotila 1986 — *Syrjänische texte. Komi-syrjänisch: ižma-, pečora- und vym-dialekte / Gesammelt von T.E. Uotila.* Helsinki, 1986. B. II.

Сокращения

ЛАР — личный архив А.Н. Рассыхаева.

НА КНЦ — Научный архив Коми научного центра (Сыктывкар).

ОФ НМРК — отдел фондов Национального музея Республики Коми (Сыктывкар).

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

ФА СГУ РФ — Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (рукописный фонд).

ФФ ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар).

А.Д. НАЗАРКИН

(Иркутск)

СЛОВЕСНЫЕ ИГРЫ В ЛАДОШИ: ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

Высокая зависимость детей от СМИ, массовой культуры, а также деятельность нескольких поколений педагогов, работников культуры, родителей, не знающих национальных игр, — всё это факторы, повлиявшие на кризисное состояние игровой культуры современных детей. Сложилось даже мнение, что дети «в городе почти забыли фольклор» [Бородин 1999, 54]. Однако современный исследователь игровой традиции В.М. Григорьев утверждает, что «игровых форм фольклора становится не меньше, а больше, но вот качество игр действительно падает» [Григорьев 1991, 24]. По нашим собственным наблюдениям, у современных детей по-прежнему сохраняется огромная потребность в игровом фольклоре как одном из развивающих факторов и как особой форме самовыражения. По-прежнему в репертуаре детей имеют место считалки, дразнилки, молчанки, тайные языки и др. Можно говорить о процессе постепенного ухода из активного бытования отдельных произведений и угасания целых жанров, однако нельзя не замечать и возникновения новых традиций. Хотелось бы выделить из общего круга игрового фольклора такое относительно новое, малоизученное и продолжающее бытовать в среде детей явление, как словесно-ритмические игры в ладоши.

Настоящая публикация ставит своей целью познакомить с результатами собирания и систематизации этого типа игр, ввести в научный оборот корпус текстов, записанных автором в 1999—2000 гг. во время работы с детьми в школе Рабочего предместья г. Иркутска, в поезде по маршруту следования Иркутск — Москва — Иркутск и в населенных пунктах Иркутской обл.

Игры в ладошки с речевым сопровождением стали сегодня характерным

Детский фольклор

89